

В. М.
ШУЛЯТИКОВ

Владимир Михайлович Шулятиков В. И. Дмитриева

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662615*

Аннотация

«В. И. Дмитриева принадлежит к числу тех немногих русских писательниц, которые отрешились от старинных традиций «женской» литературы, которые не смотрят на все явления текущей жизни сквозь призму одностороннего сентиментализма, которые не заставляют своих героев жить исключительно интересами романтического чувства, которые с полным правом могут носить имя «новых женщин». ...»

Владимир Шулятиков

В. И. Дмитриева

В. И. Дмитриева принадлежит к числу тех немногих русских писательниц, которые отрешились от старинных традиций «женской» литературы, которые не смотрят на все явления текущей жизни сквозь призму одностороннего сентиментализма, которые не заставляют своих героев жить исключительно интересами романтического чувства, которые с полным правом могут носить имя «новых женщин».

Все произведения г-жи Дмитриевой, начиная с самых ранних и, кончая позднейшими, представляют из себя образцы строго выдержанного «идейного» романа. В них всегда на первый план выдвинуты интересы общественного момента, имеющие для большинства наших романистов второстепенное значение, служащие обыкновенно лишь декорацией, на фоне которой разыгрывается та или другая любовная драма.

В качестве представительницы «общественного» романа, г-жа Дмитриева пережила два периода развития.

Воспитанная в среде интеллигенции, исповедовавшей народнические взгляды, она на первых порах своей литературной деятельности, сосредоточила свое внимание на жизни деревни, дала ряд повестей и рассказов, обрисовывающих крестьянский быт. Затем, когда на смену народнической интеллигенции пришли люди «безвременья», когда в литера-

туре начали все реже и реже появляться изображения «мужицкого горя», когда думы о судьбах всего существования стали все более и более интересовать интеллигента, тогда и г-жа Дмитриева, отвечая запросам нового литературного течения, обратилась к новым темам и героев для своих романов начала избирать из кругов передовой интеллигенции.

Но и эпоха «безвременья» приблизилась к концу. А вместе с ее концом расширился кругозор художественной литературы. Беллетристы вновь начали присматриваться к «народной» жизни. Но на этот раз их внимание привлекли не те «устой» народной жизни, над изображением которых работали прежние романисты. Действие новых повестей и рассказов из народной жизни было перенесено в шахты, в фабричные и заводские мастерские, в промысловые центры или же туда, где ютится разношерстная босяцкая «голь».

В рядах пионеров новейшего литературного направления оказалась и г-жа Дмитриева. Наступил третий период ее творческой деятельности. Она поспешила заглянуть в глубину мастерских (рассказ «Димка» – «Русское богатство», 1900, декабрь); она нарисовала несколько картин из жизни «босяков», промысловых рабочих, грузовщиков на юге России, см. рассказ «Друг Ксант» («Вестник Европы»), эскиз «Майнавира» (сборник «На славном посту»), рассказ «Мечта» («Русское богатство», 1901, апрель-май).

Но примыкая к новейшему литературному направлению, она, в то же время, осталась верна своему общему миро-

созерцанию: на все «новые» явления народной жизни она распространяет ту точку зрения, которую усвоила себе еще при вступлении на литературное поприще и которую неоднократно так ярко подчеркивала в своих прежних повестях и рассказах. Везде и во всем г-жа Дмитриева обнаруживает свои народнические симпатии.

Остановимся на двух ее последних произведениях и посмотрим, как народнические взгляды заставили романистку изобразить в них «народную» среду.

Оба произведения обрисовывают те самые стороны народной жизни, с какими знакомят нас рассказы Максима Горького. В эскизе «Майнавира» действуют «босяки», зарабатывающие себе «жалкие крохи хлеба» на пристанях батумского порта в качестве крючников и грузовщиков. Главные герои эскиза – крестьянин тамбовской губернии, Микола Ситников, пришедший в Батум искать счастья, после того, как «злая голодуха» выгнала его из родного гнезда – из деревни Зашибиной, где стоит его «изба на курьих лапах», и босяк Иван Рогуля, с давних пор «скитающийся по широкой Руси, живущий где день, где ночь – сутки прочь», давным-давно порвавший всякие связи с местом своего рождения и воспитания даже не сохранивший о нем ни малейших воспоминаний.

Рассказ «Мечта» переносит читателя на крымское побережья; центральной фигурой рассказа является грек Ламбро, не имеющий никакой определенной работы, «берущий

все, что попадетя под руку». «Он разгружал барки, привозившие камень из Инкермана и песок из Евпатории; нанимался бить плантаж под виноградники; когда какому-нибудь лодочнику нужен был лишний гребец, он садился гребцом, а в период рыбной ловли он пристраивался к какому-нибудь в пайщики и ездил в Туак, за Алушту, ловить белугу и осетров». В том же рассказе выводится крестьянин Ефим, попавший на рыбные промыслы.

Ни босяки, ни крестьяне, очерченные г-жой Дмитриевой, не походят на соответствующих героев г. Горького.

Босяки г-жи Дмитриевой, прежде всего, не могут блеснуть тем идеальным бескорытием, которое отличает босяков г. Горького; не могут быть названы бессребрениками. Они не чувствуют никакого презрения к деньгам. Более того, они только и живут мечтами о деньгах, – конечную цель существования они видят в богатстве.

Самый типичный из них Иван Рогуля, на первый взгляд, не любит «презренного металла»; он не расчетлив, не бережлив; деньги не залеживаются в его руках, он быстро прокучивает их. «Как только в кармане у него заводились гроши, он становился заносчив, дерзок, суетлив и не успокаивался до тех пор, пока не спускал всего». Он любил, чтобы вокруг него был шум, «чтобы перед ним все ходило ходуном, жужжали струны, лились пьяные, бессвязные речи»; не жалея ничего, он собирал с пристани всякую рвань, нанимая музыкантов, поил всех вином и сам, лежа растерзанный в центре

оргии, орал диким голосом: Чудный месяц плывет над ре-
ко-о-ю!!»...

Но, на самом деле Иван Рогуля далеко не бесребреник. В глубине души он лелеет мечту о «золотых горах». В интимной беседе с Миколой он признается в своих мечтаниях.

Беседа происходит в «духане» (трактир). Рогуля отговаривает недавно прибывшего на заработки Миколу не откладывать деньги для отсылки в деревню; поменьше думать об оставленном им хозяйстве и побольше о том, как бы на заработках пробиться в люди.

– Ты пустяки брось, – говорит он Миколе, – тут не коровой дело пахнет.

– А что? – спросил Школа и невольно пощупал себя за гаманок, висевший на кресте, как бы уже чувствуя в нем тяжесть заработанных денег.

Рогуля таинственно оглянулся. В духане было мало посетителей: только два грузина с азартом играли в кости..., да сам хозяин, представительный турок с окладистой черной бородой, сидя на коврике, бесстрастно тянул кальян.

– Что говоришь? – прохрипел Рогуля. А то братец ты мой, что со сноровкой здесь таких делов можно наделать, – мое почтение! Потому – кругом деньги, только подбирай!

– Ну?

– Вот тебе и ну! Видишь, вон Османка сидит, кальян курит? Тоже муша (носильщик) был, а теперь у него духан, а потом магазин откроет, либо гостиницу, а потом будет в ка-

рете ездить, – вот тебе и муша... Здесь земля такая... деньги крутом. Копнул в одном месте – чистая медь; копнул в другом – целый фонтан керосину. Ведь это что? Тыщи!

Товарищи поглядели друг на друга разгоревшимися глазами и умолкли.

Иван Рогуля не составляет исключения в среде босяков. Все босяки г-жи Дмитриевой» увлекаются» фантастическим видением могущих к нам свалиться на голову золотых гор, все они ведут между собой бесконечные разговоры о том, как такой-то муша, скопивши предварительно небольшую сумму денег, приобрел участок земли, начал копать и «выкопал целый миллион». «Говорят, что на днях ему из Петербурга прислали вагон с деньгами, а деньги-то все были в чистом золоте, в кованных сундуках, и когда эти сундуки выгружали, их охраняла целая рота солдат с ружьями и примкнутыми штыками».

Подобные разговоры производят магическое действие на слушателей. Усталые и голодные босяки начинают ощущать в себе непреодолимую жажду денег, глаза их разгораются «алчным огнем», дыхание их спирается в груди. Призрак возможного счастья настолько поглощает их внимание, что даже повествования об ужасах и опасностях, с какими сопряжена их профессия грузовщиков, не производит на них должного впечатления.

Рассказывалось, как в прошлом году с гака сорвался тюк в восемьдесят пудов и задавил двоих муша, как рябой Мурат-

ка оступился со сходней, полетел в море и сломал себе ногу, как у Сафатки хрястнула спина и его замятво стащили в больницу. Но эти рассказы производили мало впечатления, и каждый муша думал про себя, что это именно ему суждено получать вагоны с золотом, а сломает спину кто-нибудь другой.

Менее фантастические перспективы возможного счастья рисуется воображению босяка иного типа, чем батумские грузовщики. Ламбро тоже грезит об обеспеченной будущности, но он достигнет желаемого не тогда, когда ему на голову неожиданно свалятся золотые горы: он довольствуется более скромными и легче осуществимыми надеждами и находится уже на пути к своему счастью: он копит деньги, намереваясь приобрести себе хорошо оснащённую лодку. Обладая лодкой, он будет иметь всегда готовый кусок хлеба, лодка застрахует его от случайностей безработицы и голодовок: он искусный гребец и перевозчик, а в искусных гребцах и перевозчиках нуждаются обитатели крымского побережья.

В «птичьём» домике, приютившемся на склоне горы, служащим убежищем для Ламбро и его семьи, каждый день ведутся нескончаемые беседы о будущей лодке, все время обсуждаются вопросы о том, где следует купить лодку, за какую цену, как должна выглядеть лодка, в какой цвет она должна быть окрашена, какое имя ей следует дать. Ради лодки супруги Стафилати отказывают себе во всем «лишнем»: Ламбро бросил курить, Графа, его жена, не пьёт по праздникам кофе.

Каждый отложенный на лодку рубль возбуждает в супругах Стафилати чувство безумной радости. Одним словом, живут исключительно мечтой о будущем. И «Мечтой» они решили назвать свою будущую лодку.

Эта «жизнь в мечтах о будущем» проводит самую резкую грань между душевным миром босяков, фигурирующих в рассказах г-жи Дмитриевой, и душевным миром героев г. Горького. Последние живут исключительно полнотой и разнообразием жизненных ощущений. Они выше всего ценят энергию действия. Они не терпят тирании и рассудка над прочими сторонами психической деятельности человека. «Кто думает – тому скучно жить... Надо всегда что-нибудь делать, чтобы вокруг тебя люди вертелись... и чувствовали, что ты живешь... Жизнь надо мешать чаще, чтобы она не закисло... Болтайся в ней туда и сюда, пока сил хватит, – ну и будет вокруг тебя весело...» – в таких выражениях они формулируют, устами одного из своих характерных представителей, свою жизненную философию и определяют то направление, в котором должна развиваться их душевная деятельность.

Босяки г-жи Дмитриевой не «мешают жизни». Они – пассивные натуры, ушедшие от настоящей жизни в область тихого созерцания.

«В настоящем у них, у Ламбро и его товарищей, не было ничего хорошего, в прошлое не хотелось заглядывать и потому они жили будущим, поддерживая в себе бодрость ду-

ха туманными надеждами на какую-то счастливую перемену своего положения».

Если же иногда они вдруг проявляют склонность «развернуться» произвести вокруг себя «шум», в бесшабашном разгуле спустить заработанные тяжелым трудом деньги, то во всех подобных случаях ими руководит, по мнению г-жи Дмитриевой, отнюдь не стремление обнаружить свою силу; напротив, бурные вспышки их «страстей» говорят об их физическом и душевном бессилии.

Опасный промысел, часто сопряженный с такими моментами, когда жизнь, кажется, висит на волоске, наложил на этих людей особый отпечаток, и их притуплённые в вечной борьбе с грозными стихиями нервы требовали сильной встряски в виде грубых и ярких впечатлений. Самое дело, похожее на азартную игру, когда день удачи или неудачи может обогатить или разорить, развивало дух ажиотажа, чувство соперничества, затаенную враждебность друг к другу; каждый стремился хоть на один день подняться выше толпы, хоть сегодня развернуться во всю ширь своих страстей, и завтра – завтра кто знает, что будет: может быть, смерть, может быть, разорение, а может быть, богатство.

«Сильные люди» в изображении г-жи Дмитриевой оказались лишь слабыми, усталыми, измученными. И эти слабые, усталые, измученные, погруженные в экономические интересы, люди не могут быть признаны носителями более высоких духовных и нравственных идеалов по сравнению с кре-

ствиями, не могут чувствовать гордого презрения к выходцам из деревни, упрекать их в «жадности» к деньгам и в духовном убожестве, как это делают босяки г. Горького, не могут повторить знаменитой фразы босяка Сережки: «Я, видишь ты, всех мужиков не люблю».

Напротив, г-жа Дмитриева заставляет их «любить мужиков». Ламбро быстро сходится со своим товарищем по рыбному промыслу – крестьянином Ефимом. В Ефиме он видит только человека, гонимого судьбой, и потому ему Ефим близок и дорог. В свободные от работы часы, уединившись в свою лачугу, босяк и крестьянин раскрывают друг перед другом душу: «Ламбро рассказывал Ефиму о своей «Мечте», а Ефим, в свою очередь посвящал его в свои планы будущей жизни... И эти разговоры, эти мечты в бурные февральские вечера, под неустанный рокот прибоя, согревали их гораздо больше, чем жаркое пламя костра, перед которым они сушили свою промокшую, пропитанную рыбьей слизью одежду». Иван Рогуля хотя на первых порах своего знакомства с Миколой подсмеивается над некоторыми взглядами и привычками крестьянина, но он не обнаруживает к последнему никаких враждебных чувств и даже становится с ним на приятельскую ногу, просвещает его относительно условий портовой жизни.

Так в произведениях г-жи Дмитриевой босяк и крестьянин пошли друг к другу навстречу. Так между ними устанавливаются идиллические отношения.

«Курьер», 1901 г., № 166, стр. 3